

## ТЕАТР

## РЕАЛЬНОСТЬ ЛЕГЕНДЫ

В нашей республике гастролирует молодой коллектив народного артиста СССР, режиссера Михаила Туманишвили — Театр киноактера киностудии «Грузия-фильм». Несмотря на сравнительно недолгий срок существования, он успел привлечь к себе самое пристальное внимание специалистов и зрителей. Столь повышенный интерес, увы, как правило, служит театрам двойную службу, ибо, помимо славы, может часть зрителей и разочаровать: малейшим несоответствием увиденного на сцене ожидаемому, сложившимся представлениям.

Так, скажем, о поставленном труппой «Дон Жуана» Мольера много писалось, как о подлинном триумфе духа студийности, как о некоем феномене импровизации, молодого радостного мироощущения. Слов нет, это комедийный спектакль высокого класса, привлекающий яркой необычностью своей коллажной формы, но вместо ожидаемой спонтанности, сиюминутности мы увидели просто хорошо сработавшийся, технически отлаженный театральный механизм. То ли, показывая «Дон Жуана» на открытии гастролей, гости перенервничали, то ли дает о себе знать пятилетний срок, прошедший со дня премьеры...

Впрочем, последний довод — не самый убедительный. Ведь уже почти десять лет существует в репертуаре гостей один из «первенцев» труппы — «Свиньи Бакулы» (по рассказу классика грузинской литературы Давида Клдиашвили), и ничто в нем не намекает на почтенный возраст спектакля.

Коротенькая житейская история, почти анекдот о том, как обидевший дворянин начала века Галактион безуспешно пытался найти управу на соседа, чьи свиньи разоряют его огород, развернут на сцене в красочное театральное действо. В отличие от встречаемой перенасыщенности разных приемов в некоторых других спектаклях (что идет, несомненно, от щедрости дарований) здесь, несмотря на кажущуюся суматошность, найден необычно-

венно чистый, точный и по сути лаконичный, обходящийся без единой лишней детали внешний облик спектакля. Форма эта идеально соответствует авторской мысли. Мало того, на наших глазах происходит столь редкостное чудо высвобождения материала от весьма конкретного быта, развития всего спектакля в сторону куда более емкого пространства сценической притчи.

Переход анекдота в иное качество, в универсальную притчу о живучести зла, о невозможности с ним «ужиться» (как поначалу в простоте душевной полагал Галактион) достигается гармоническими усилиями всех творцов «Свиней Бакулы». Лаконичной сценеюграфией (Г. Церадзе), чей основной компонент — увеличенные страницы текста Клдиашвили — звучит не только данью уважения и национальной классике, но и намекает на условный, приподнятый над бытом характер происходящего. Вдумчивая режиссура М. Туманишвили оставляет простор для актерских импровизаций, но только в рамках строгих, подсказанных развитием мысли, ритмических приливов и отливов спектакля. Тщательно продуманная структура постановки радует незаметными, органическими переходами из одной смысловой и стилистической плоскости в другую, более высокую: комический быт начался — смешные, но уже жутковатые, абсурдные ритуалы бюрократической канцелярии, гротескная фантазматическая обстановка, превращающегося в попойку, у Галактиона, решившего улажить чиновников, грустная задумчивость финала, подводящего итог, но одновременно прямым обращением в зал («надо что-то делать»), неожиданно как бы открывающего новую перспективу. Сила обобщения притчи такова, что мы, оттолкнувшись от конкретного события и времени, вдруг начинаем думать о собственном «огороде», о всевозможных «свиньях Бакулы», оградившись от которых — наше первейшее гражданское дело.

На основе и этого спектакля, и других, нами увиденных, можно составить впечатление

об умело направляемых актерских талантах труппы, об их поразительно, не знаящем термина «амплуа» диапазоне. И это при том, что в спектаклях не делается ставка на премьеры, они коллективны в самом лучшем смысле этого слова. Расстановка режиссерских акцентов здесь подчас такова, что, скажем, после «Дон Жуана» ты не в силах сказать, кто же в спектакле «главнее» — заглавный классический персонаж, столь элегантно, пластично, с чуть иронической самоуглубленностью сыгранный З. Кипшидзе, или же персонаж, и не снискавший Мольеру, — Суфлерша наших дней (Л. Ревашишвили), оттеняющая основное, «объективное» действие своей старомодной простодушностью, своей наивно-восторженной верой в великое чудо театра.

Легким подтруниванием над Суфлершей театр как бы маскирует свои собственные чувства. Однако глубочайшая, нежная и заразительная любовь актеров к своему искусству все-таки очевидна. Прежде всего она явствует из той, в наше время редко встречаемой самоотдачи, которая окрашивает игру исполнителей главных ролей и участников массовки. Впрочем, в труппе М. Туманишвили такого деления практически нет: тот же З. Кипшидзе в перенесенном на грузинскую почву и поэтому представляющем несколько спорным «Нашем городке» Т. Уйылдара появляется в образе спившегося Арчила, в «Свиньях Бакулы» — вовсе уж в эпизоде. Все эти работы отшлифованы по своему мастерски. И часто ли современному актеру случается так внутренне обновляться, во второй вечер играть притчу, а другой — бытовую достоверность, а в третьей — отдаваясь «жизнерадостной стихии условнейшей игры в театр».

Такие примеры в этом театре не единичные. Трудно, скажем, отдать предпочтение смешному и трогательному Галактиону или целиком условному Стихотворцу из спектакля «Бренный мир таков» (постановка режиссера Н. Лерткипанидзе) — настолько они несопоставимы и одновременно благодаря усилиям актера

Р. Иоселиани настолько неотъемлемы от обоих, разных по своей жанровой природе спектаклей. Или же молодой актер Л. Учанийшвили. Образом светливого «винтика» канцелярии Шаши («Свиньи Бакулы»), вызывающего актуальными злые ассоциации, он убеждает нас в своем комедийном, даже сатирическом даровании, с тем, чтобы играя Важику в безыскусном, светлом, глубоко народном спектакле «Бренный мир таков», блеснуть естественным, как песня, как народный сказ лиризмом.

В спектакле «Бренный мир таков», переплетающем уникальное и общее, сиюминутное и вечное, незатейливый юмор, лиризм и скорбь, думается, найдена необходимая драматургическая целостность, единая охватывающая интонация. Тут нет налета музейности, обычно подстерегающего подобного рода замыслы: пристально наблюдающий за простыми жизненными ситуациями, а иногда в них даже условно включающийся Стихотворец не напоминает традиционного гда по фольклору. Простая история любви статного парня Важики и красавицы Мзехи, постепенно уступающая место истории их детей, без излишнего рационализма, сдержанными средствами помогает нам прикоснуться к высоким истинам бытия, через потрясение прийти к жизнеутверждению. Вспомним, что аналогичные цели ставились и создателями «Нашего городка», можно предположить, что в таких ненавязчивых уроках добра, красоты, стоического отношения к жизни, чреватой и цветным, и черным, театр гостей и видит свою благородную миссию.

Гастроли Театра киноактера киностудии «Грузия-фильм», начавшиеся в Вильнюсе и продолжающиеся сейчас в Каунасе, стали подлинным праздником для любителей театрального искусства. Пусть даже не во всем соглашаясь с гостями, нельзя не проникнуться их молодым духом, не убедиться вочию в плодотворности их творческих устремлений, своеобразия и даровитости.

С. МАЦАЙТИС.